

Предисловие

Дорогой читатель!

Книга «Я свято в памяти храню...» — не автобиография и не жизнеописание. В ней нет полноты событий, их последовательности или хронологии. В основу воспоминаний взято лишь то, что, считаю, было в моей жизни важным, значительным, интересным или курьезным, что сейчас, многие годы спустя, вызывает ностальгическую улыбку, легкую грусть или иронию.

Моя книга — воспоминания о прекрасной Камчатке, о молодости, о друзьях и коллегах, о людях, с которыми сталкивала судьба в различных ситуациях, оставив в памяти незабываемый след.

Меня вдохновляет и согревает мысль о том, что мои читатели найдут в книге отражение и своей, богатой событиями, тревожной, порой трудной, но полноценной, счастливой жизни, которую строили самостоятельно, совершенно независимо от социального и финансового положения родителей: сами определяли, где учиться и жить, кем быть и с кем дружить, никого не винили в неудачах.

Вам, мои сверстники, романтики 60–70-х, вам, друзья, коллеги, земляки-камчатцы, родственники, новые приятели по Санкт-Петербургу, я посвящаю эту книгу, для вас ее пишу.

Выражаю глубокую благодарность подругам комсомольской молодости Марии Коротких, Надежде Мартыновой, Зинаиде Бубен за идею выпуска данной книги, «подпитку» материалами из своих архивов, моральную поддержку и вселение уверенности в том, что все получится.

Благодарю свою сестру Валерию за дополнение воспоминаний о родителях, войне и блокаде Ленинграда и землячку-камчадалку Зою Маслову, товарища по Дому ветеранов сцены Андрея Бобылькова за искреннюю поддержку и помощь в подготовке книги к изданию.

В книге использован ряд статей газеты «Камчатский комсомолец», ряд сведений из альбома «Камчатка — страна вулканов», фотографии Ю. Муравина, В. Гиппенрейтера, И. Вайнштейна, В. Васильева, а также собственные фантазии на камчатские темы, коллажи.

ГЛАВА I

Дорога в будущее

Июль 1959 года. Я стою на перроне вокзала г. Алма-Аты с небольшим чемоданчиком и сумкой, а вокруг меня — стайка родственников, друзей, вчерашних сокурсников.

Мама тихонько смахивает с лица слезинки, с тоской смотрит на меня и, как только появляется пауза между веселыми шутками и смехом, шепчет мне, держа за руку: «Возвращайся скорее, доченька, возвращайся!» Я киваю головой, обещая выполнить ее просьбу, обнимаю, успокаиваю и тут же отвечаю на шутки друзей, смеюсь и подпеваю начатую кем-то популярную песню:

...Я не знаю, где встретиться
Нам придется с тобой.
Глобус крутится, вертится,
Словно шар голубой...

Я еду на Дальний Восток. На самый дальний, на Камчатку. От одной этой мысли у меня захватывает дух. Я плотно прижимаю к себе сумочку, в которой аккуратно сложено все мое будущее: паспорт, диплом, комсомольская путевка, вызов Усть-Камчатского райисполкома и пропуск. Его я должна предъявить пограничникам, ступая на камчатскую землю.

Какой самостоятельной кажусь я себе в тот момент, какой взрослой! Наконец еще один звонок, смолкает шум вокзала... Я уже в тамбуре. Протискиваю свою голову среди тех, кто

отъезжает вместе со мной, чтобы помахать родным, улыбнуться и крикнуть на прощание: «Не волнуйтесь, все у меня будет хорошо!»

Вот уже поезд убежал за поворот, исчезли из вида перрон и лица провожающих, отдаляется с каждой минутой и город, где я жила, росла и училась.

Ритмично выбивают свою мелодию колеса поезда, и я мечтательно вспоминаю, как любила ее в детстве, заглядывала в окна быстро бегущих поездов дальнего следования и завидовала пассажирам: они едут далеко-далеко, в другие города и страны, в другую жизнь...

И вот теперь я сама мчусь в неизвестность, спешу навстречу своей судьбе.

* * *

Долгий путь в плацкартном вагоне не разочаровал меня. Наоборот, примерно так я и представляла свое путешествие, как видела еще в далеком детстве в кинофильме «Поезд идет на Восток». Народ был в основном молодой, жизнерадостный, немного бесшабашный, но веселый и доброжелательный. Смена части пассажиров на различных станциях не меняла общей атмосферы. Новичков быстро брали в компанию и продолжали шутить, веселиться, петь песни. Не зря, наверно, такие вагоны полуофициально называли «веселыми».

Кроме вчерашних студентов много было тех, кто возвращался из отпусков в города Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Колорит и своеобразие в пеструю публику вносило множество моряков Тихоокеанского флота в тельняшках и нарядных бескозырках. Они тоже спешили после кратковременных отпусков к месту службы и, как мне казалось, очень гордились своей формой. Спали моряки на верхних багаж-

ных полках, а под матрасы плацкартников аккуратно раскладывали свои брюки-клеши, чтобы к приезду на место «стрелки» были в порядке.

Паровоз обильно посыпал всех сажей, так как и окна, и двери тамбуров тогда можно было открывать для естественной вентиляции. (Конечно, с разрешения и под контролем проводника.)

Но сажа принималась как естественное условие движения поезда, и никто, насколько помню, не роптал. Всем хотелось «просунуть» себя ближе к свежему воздуху через головы других.

Особенно хорошо было лежать на второй полке. И воздуха больше, и постоянно меняется пейзаж — то глухая тайга, то спокойная полноводная река, то старая бревенчатая русская деревенька...

На каждой станции, полустанке, разъезде все, как горох, высыпала на перрон, чтобы поглубже вдохнуть свежего воздуха, купить пирожок, горячей картошки с укропом или стакан лесной ягоды.

* * *

Едем сутки, вторые, третьи, четвертые... О том, что скоро будем проезжать Байкал, нам сказали заранее, с вечера. А рано-рано утром поезд замедлил ход, остановился, и кондуктор объявил: «Байкал! Стоянка 15 минут!»

Все спрыгивают со ступенек вагонов прямо на насыпь и бегут вниз, к озеру. К моему большому удивлению, никакой станции, даже разъезда, поблизости не было, и я решила: поезд остановили специально, чтобы люди смогли посмотреть Байкал. Наверно, так оно и было.

Как это здорово, как благородно со стороны железнодорожников, придумавших эту краткую стоянку!

Сомневаешься, дорогой читатель, скажешь, такого не бывает? Бывает, бывает, мой друг! Может быть, повезло только

нам, а может, в те времена такую остановку предусматривали для каждого пассажирского поезда, чтобы любой путник любовался природным достоянием своей страны — не знаю. Но то, что в нужное время и в нужном месте оказалась я — считаю удачей, даже счастьем.

Торопясь, спотыкаясь, падая и вставая, мчались по насыпи вниз к Байкалу все пассажиры поезда. Кто-то горстями, кто-то кружками пил байкальскую воду, кто-то плескал ее на себя, а предусмотрительные набирали, как святую, в бутылки и банки. Самые смелые успели окунуться... Это была такая эйфория, такой восторг!

Но вот предупредительный гудок паровоза и все, как муравьи, поползли вверх по насыпи к своим вагонам, веселясь и помогая тем, кто спотыкался, откатывался по сыпучему грунту назад.

Позже, говорят, железнодорожные пути были перенесены на несколько километров дальше от Байкала.

* * *

В Хабаровске и Владивостоке заканчивался путь многих пассажиров. Мы тепло прощались, желали друг другу удачи и счастья, расходились в разные стороны.

Было грустно. Как будто кончался отрезок полноценной, интересной жизни и в неизвестное будущее навсегда уходили друзья. Близкие и далекие. Те, с кем прожил бок о бок всего неделю, а сдружился так, будто шли по жизни вместе долгие годы.

Большинству из нас, пассажиров общего «веселого» вагона, было по 20–25 лет.

Здравствуй, Дальний Восток!

Нас осталось совсем немного, продолжающих путь на Камчатку: я, еще одна учительница, Зоя, врач, Тамара, и двое военнослужащих.

...У причала бухты «Золотой Рог» стоял большущий многоэтажный «дом-пароход» под названием «Советский Союз». Отходил он в путь к камчатским берегам только завтра.

Ночевать пришлось в сквере, на скамейках. Ни о каких гостиницах даже не думали, о неудобствах — тоже. Нормально! Вот только город Владивосток не успели посмотреть. Утром мы уже стояли в длинной очереди к высокому трапу, ведущему к небольшой двери большого лайнера. Посадка пассажиров длилась несколько часов и изрядно утомила нас после «комфортного» ночлега в сквере вокзала. Зато гостеприимно встретили и проводили до каюты франтоватые, по форме одетые моряки, пожелали интересного и спокойного путешествия и мы наконец стали разглядывать свое уютное, чистое жилье, в котором даже был душ. Мы в восторге!

Легенда о лайнере становится известной, как только поднимешься на его борт. Судно когда-то принадлежало Германии и называлось «Адольф Гитлер», было потоплено в Балтийском море, а по окончании Великой Отечественной войны наши подняли его со дна моря, взяли в качестве трофея, отремонтировали, отреставрировали и присвоили название «Советский Союз». Лайнер начал новую жизнь. Обогнув Америку, пройдя множество морей Атлантического, Индийского и Тихого океанов, теплоход прибыл во Владивосток и здесь получил свою приписку. Основным маршрутом его стал путь от Владивостока до Петропавловска-Камчатского, многие десятилетия доставлял он пассажиров и грузы в ту и другую сторону, был гордостью всех дальневосточников.

Для меня лайнер-гигант был чудом из сказки «Тысяча и одна ночь». Нарядно-белый многоэтажный плавающий дом поражал не только внешним видом, но и внутренним убранством. Перила многочисленных трапов, ведущих в холлы, музыкальный салон, библиотеку, рестораны и бары, покрыты позолотой, мебель, напоминающая стиль рококо обита бордовой ворсистой тканью, кругом зеркала....

Ну где раньше я могла видеть такое? Разве, что во сне. Вот и смотрела я на всю эту роскошь с приоткрытым ртом и широко распахнутыми глазами. Только запомнилось мне и другое. Среди нарядной, солидной, как мне казалось, публики на фоне помпезного аристократического интерьера мы выглядели замарашками, этакой мелочью, попавшей на чужой бал.

Каюты, восторгавшие нас в первые минуты, находились на нижней палубе, куда хорошо доносились шум и тархтение двигателей машинного отделения, а духота, специфический запах топлива и морская качка вызывали тошноту и головную боль. Спасение было на верхних палубах. Со своими попутчицами Зоей и Тамарой мы сновали по этажам и трапам, любовались красотой салонов, загорали и купались в бассейне, часами наблюдали за касатками, сопровождавшими лайнер на всем пути. В свои каюты заходили редко.

Четверо суток мы жили в этой сказке. На пятый день путешествие по Тихому океану, Японскому морю, мимо Сахалина и Курильских островов закончилось. Мы прибыли на Камчатку.

***Забегая вперед.** Много лет я прожила в Петропавловске, часто встречала и провожала взглядом «Советский Союз», который швартовался у причала так, что с высокой набережной улицы был виден во всей величавой красоте. Все эти годы он соединял два крупнейших морских порта Дальнего Востока, обеспечивая надежную связь отдаленной от материка Камчатки со всей страной.*

...Но пришло время, и «Советский Союз» дал прощальный гудок. Отслужив свой срок, на стыке XX и XXI веков красавец-великан был списан на металлолом. Лайнер, горделивый и, как всегда, нарядный стоял у причала Авачинской бухты и долго, протяжно, как-то грустно гудел, помахивая разноцветной гирляндой флагов, а в ответ ему гудели все проходящие мимо автомобили, и посылала приветствие многочисленная толпа работников порта и жителей города, пришедших проводить теплоход в последний путь. Ведь у многих камчатцев, как и у меня с «Советским Союзом», связано начало новой, самостоятельной жизни.

...Вот теплоход отчалил и, разрезая воду носом, стал удаляться, оставляя мощный бурлящий белый «хвост». Где-то там, у выхода из Авачинской бухты, проводят лайнер легендарные скалы «Три брата»...

...Все это было потом-потом, спустя несколько десятилетий...

...А путь еще продолжался...

По прибытию в Петропавловск мне и моим попутчицам предстоял еще ночлег в здании морского вокзала и полет самолетом ЛИ-2 до Усть-Камчатска, еще ночлег в местной гостинице, похожей на деревенскую избу, затем весь световой день на белом речном трамвайчике вверх по реке Камчатке...

Дорога к месту работы с учетом ожиданий, пересадок и ночевок в сквере длилась восемнадцать суток.

Начало

Большой поселок городского типа под названием «Ключи» и Деревообрабатывающий комбинат (ДОК) были местом моего назначения, куда я была направлена работать, соответственно диплому, технологом мебельного производства.

Среди своих попутчиц я одна имела техническую специальность и тихо гордилась своей профессией. Вообще-то

я с детства мечтала быть драматической актрисой, как папа, но отец категорически запрещал даже думать об этом и настойчиво, долго и методично внушал преимущество инженерной, технической профессии.

Прошли годы, и я не заметила, как подчинилась воле родителей, даже не попытавшись осуществить свою детскую мечту. Но, увы, технологом, инженером на производстве я тоже не стала.

Обстоятельства сложились так, что мне предложили работу в школе. Правда, по специальности. В те годы в народном образовании только начинали вводить профориентацию, производственную практику, уроки труда. Директор школы, Рыбкин Петр Яковлевич, пригласивший меня для беседы, увлеченно и ярко стал рисовать передо мной перспективы такого поворота в моей судьбе: работать буду в тесной связи с производством, но это будет уже преподавательская деятельность, которая вполне может пригодиться в дальнейшем, а если еще добавить педагогическое образование, пусть даже филологическое или математическое, моя должность будет называться так красиво — педагог-технолог. Да и вообще, хорошо иметь две специальности. «Вот я, например, — говорит он, — летчик, мог бы преподавать математику, но экстерном закончил еще и исторический факультет, и вот...»

У меня от перспектив, изложенных директором школы, «вскружилась голова, в зобу дыхание сперло», и, дождавшись окончания монолога директора, я с готовностью выпалила: «Согласна!»

* * *

Первые годы работы и жизни на Камчатке были для меня трудными, несмотря на розовые перспективы, которые рисовал мой первый руководитель. (А разве бывают легкими первые годы работы?) Школа большая, около тысячи учащихся,

полсотни учителей. Шум, гам, непонятные для меня споры о методах преподавания и воспитания школьников, отсутствие четких программ и методики по моему предмету. Я как будто со стороны смотрела на все происходящее, не могла вписаться в школьную атмосферу и ритм ее жизни. Переживала, злилась на себя, теряла уверенность, отчаивалась, порой сожалела, что приехала сюда.

«Вот, осталась бы в Казахстане, все было бы хорошо, — думала я. — И зачем только ехала за десять тысяч километров, где нет ни одного родного человека... Ни заступиться, ни поддержать морально, ни посоветовать что-то. Никого нет! Мама так далеко... даже пирожок в воскресенье утром никто не испечет, оладушек не поджарит... Все ко мне безразличны, придирчивы, несправедливы. Брошу все и уеду! Только бы денег скопить на обратную дорогу». Но деньги почему-то не копились... Я часто приходила с работы и, не снимая пальто, подпирая дверь спиной, плакала. Или просто стояла молча, не желая проходить в нетопленную комнату.

«Мамочка, забери меня отсюда, мне так плохо без тебя», — шептала я. Иногда от тоски и тягостного настроения я доставала самую большую драгоценность — альбом — и беззвучно разглядывала его, разговаривала с родителями и подругами, читала надписи на обратной стороне фотографий, пытаюсь хоть на миг вернуться в то счастливое время, когда не было проблем, когда все меня любили и уважали.

«Дорогая доченька, желаю тебе... будь счастлива!... Мама». «Подруге Люсе от подруги Нелли. Не забывай студенческие годы, не забывай нашей дружбы». На одной фотографии откуда-то списанные шуточные наивные рифмы: «Люся! Люби меня, как я тебя, и будем верные друзья!» Это однокурсница, Кульжибаева Рая, казашка. Очень веселая красивая девочка. Она много и заразительно хохотала, часто рассказывала о своих многочисленных поклонниках и веселила нас.

Еще одна фотография — Евгения Слюдова, ушедшего служить в армию с первого курса. В форменной фуражке авиатора, такой молодеватый на фоне самолета и аэродрома. Я даже не помню, чтобы у меня с ним были какие-то отношения. Просто взаимная симпатия, а потом недолгая переписка. Давно бы уже выбросить эту фотографию, но читаю дарственную надпись и возвращаю «солдата» на место, в альбом. Он написал: «Люсе. Девушке с настоящей душой и сердцем». Часто ли говорят такие слова? Вот и храню. Приятно и тепло становится от этих слов, особенно когда кажется, что теперь все по-другому, никто тебя не понимает и таких слов не скажет...

Среди других была и фотография преподавателя, куратора нашей группы. На последнем курсе он дарил свое фото каждому студенту, написав на обратной стороне что-нибудь индивидуальное, доброе: «На память справедливой, смелой в решениях, Люсе. От таких счастье не уходит. Спасибо Вам за помощь по работе в группе. И. Багашев. Дата».

«Вот! Вот как ко мне хорошо относились! — жалела я себя. — А теперь...»

...Протопив березовыми дровами печку, отдохнув, выспавшись, совершив прогулку к реке, я успокаивалась и уже не такой несчастной казалась себе, не таким безысходным — положение, не такой тоскливой — жизнь. Это в минуты слабости и неудач забываешь о хорошем, и все видится в темных красках. Нас, новичков, в коллективе было человек десять и постоянно у кого-нибудь были неудачи, о которых они рассказывали: у одной — дети урок сорвали, у другой — проверяющие назвали бездарным план занятия, у третьей — мамаша устроила скандал в учительской, за якобы несправедливую «тройку», поставленную ее чаду. Мы вместе, как правило, вечерком, обсуждали ситуацию, сочувствовали друг другу, огорчались, потом успокаивались и завершали посиделки чаем и конфетами «Золотой ключик».

Все постепенно налаживалось. Учительский коллектив относился к новичкам и ко мне лично вполне доброжелательно, я это видела и понимала, ученики мало-помалу привыкли, родители уважительно интересовались успехами своих детей, подсказывали, «как с ними надо...» Появились подруги, с которыми, делила свои радости и неудачи, проводила свободное время. Это Инна Шведова (теперь Иванова), преподаватель производственной практики, как и я, Зоя Масливец — преподаватель химии, спортсменка, баскетболистка, Людмила Апалькова, физрук, гимнастка II разряда, Клара Петлицкая, математик, и ее муж Володя, военный летчик, Нелля Володина (теперь Юрьева) тоже преподаватель физики и математики.

Были и еще девчонки, с которыми мы много и хорошо общались, но с названными дружили очень тесно и долго, вместе съели не один пуд соли.

И друг у меня был, Сергей Рудин, инженер ДОКа, тот, что утирал мне слезы в день приезда, заплатил за гостиницу и накормил за свой счет ввиду полного отсутствия денег в моих карманах, и потом неоднократно помогал, успокаивал, учил философскому подходу к жизни. Мне даже казалось, что я полюбила его, что он моя судьба, и теперь уж точно уезжать не стоит, все наладится.

Довольно быстро к основной работе прибавилась общественная. Это для меня не было так уж неожиданно. В-первых, с самого детства меня куда-то избирали, всегда я выполняла различные пионерские, комсомольские поручения, привыкла, что без этого жизнь какая-то неполноценная. Во-вторых, все знали, что я приехала на Камчатку по комсомольской путевке, что само по себе обязывает... В-третьих, в характеристике, приложенной к диплому, тоже говорилось о моих определенных наклонностях.

Сначала меня попросили подменить (по совместительству, конечно) ушедшую в декретный отпуск старшую пионервожатую. Вроде справилась, отметили на педсовете. Избрали

в комсомольское бюро, поручили курировать ученическую комсомольскую организацию. Тоже, получалось. Через некоторое время, к концу учебного года, я уже была секретарем учительского комсомольского бюро. Его членами и моими коллегами стали Инна Шведова, Зоя Масливец, Людмила Апалькова, т. е. мои подруги.

К общественной работе я относилась очень серьезно. Порой казалось, что я ей уделяю внимания и времени больше, чем основной. Секретарь партийной организации неоднократно положительно отзывалась о работе бюро и подбадривала каждого. Часто хвалили Апалькову Людмилу за работу со старшеклассниками, Инну Шведову — за активность в работе культурно-массового сектора, а уж по поводу Зои Масливец — особый разговор.

Она сама захотела возглавить физкультурный сектор. Все согласились. Еще бы! У Зои 1-й разряд по баскетболу и она собиралась (все время говорили об этом) участвовать в Олимпийских играх 1964 года.

Так вот, в рамках своего поручения Зоя решила проводить с нами, молодыми учителями, комсомольцами, утреннюю зарядку. Часа за два до начала занятий в школе она, не взирая на погоду и на то, что у кого-то были первые уроки, уже начав свою разминку, рысцой оббегала всю округу, стучала кому в дверь, кому в окно квартиры, собирая всех, и мы большой гурьбой бежали за ней на школьный стадион (зимой — в спортзал), высоко поднимая колени. Нагрузку давала нам по полной Олимпийской программе. Во всяком случае, нам так казалось. Мы бегали, прыгали в длину и высоту, ходили на корточках, ползали по траве, делали упражнения на растяжку, учились кувыркаться, падать, стоять на голове... Ой, ой, ой! Чего только она не требовала от нас.

Помню, надо идти на урок, а я — как сосиска, вынутая из кипятка — падаю. И это каждый день. Попробуй, пропусти зарядку хоть раз... «Я подниму вопрос на комсомольском собрании, — грозила Зоя. — Ты не выполняешь Устав ВЛКСМ

по физической подготовке! Я потребую твоего исключения из комсомола...» И называла фамилии провинившихся. Не помню, чтобы дело дошло до исключения, но мы всерьез принимали ее угрозы и на следующий день чуть свет бежали за своим тренером на стадион, называя ее про себя мучительницей.

Уж не знаю, сколько бы все это длилось, и каких спортсменов из нас она могла вырастить, но случилось непредвиденное. Наша баскетболистка, комсомолка и просто красавица Зоя влюбилась в старшего лейтенанта, тоже баскетболиста — красавца Виктора Вахрушева. После поздних свиданий она опаздывала, а то и пропускала занятия, извинялась перед нами... а мы тихонько радовались возможности подольше поспать, мысленно благодарили за это ее жениха и при возможности ехидничали, требовали продолжения занятий и обещали исключить ее из комсомола за недисциплинированность и недобросовестное выполнение поручения.

Все кончилось тем, что наша «спортсменка и красавица» вышла замуж, и Вахрушев увез ее в другой город. Мы наконец легко вздохнули, освободившись от такой нагрузки, но еще долго потешались над своей безропотностью перед коллегой и с большим уважением, даже почтением вспоминали свою «мучительницу». Спортивный сектор в бюро поручили Виктору Калемеву. Он был тоже очень требовательным, но не таким жестоким, как наша подруга.

* * *

С Зоей Масливец мы долго переписывались, сообщали друг другу об изменениях в школе и в личной жизни, поздравляли с праздниками, желали удачи. Подруга родила и воспитывала дочь Ирину, ездила за мужем — военным по разным городам, потом обосновалась с семьей на Украине. На Олимпийские игры Зоя не попала, но спорт не бросила. Получила звание мастера спорта, преподавала в школе Олимпийского резерва.

Зоя Масливец

Клара Петлицкая

Людмила Апалькова

Инна Шведова (Иванова)

Инна Шведова, теперь Иванова, спустя три года вернулась в Москву, устроилась преподавателем в техникум (потом колледж) мебельной промышленности, вела спец. дисциплины: сушку древесины, технологию мебельного производства и другие, работала там до пенсии, получила звание «Заслуженный учитель Российской Федерации». Мы с ней дружим, до сих пор встречаемся.

Клара Петлицкая с военным летчиком тоже улетела служить в другой город.

Нелля Володина, теперь Юрьева, по-прежнему живет в Ключах, воспитала двух сыновей.

* * *

Незаметно моя жизнь вошла в стабильное русло, появился интерес, разнообразие, исчезли скука и тяжелая тоска по дому. Стала замечать, что на педсоветах, собраниях иногда звучит мое имя в сочетании с эпитетами «инициативная», «ответственная» и прочее. Обрела уверенность в себе. Я полюбила школу, ее шум, суету, постоянную занятость, детей, которые бегают за тобой и задают массу разных вопросов. Никогда не бывало ощущения, что ты сделал все и теперь можешь быть спокоен, располагать своим досугом.

Но молодость брала свое. Находилась время и для знакомств, и для дружбы, и для вечеринок в ресторане или у кого-то из друзей, и для девичьих посиделок с жареной картошкой и чаем, и для совместного прослушивания радиопередач «Театр у микрофона».

* * *

Я очень любила прогулки с друзьями в лес, за поселок, где можно побродить, полюбоваться панорамой вулканов или прекрасной рекой Камчаткой, ее пушистыми зелеными бе-

регами или крутыми обрывами. Река всегда «живет»: кто-то по ней сплавляет лес, кто-то ловит рыбу, кто-то перевозит грузы и пассажиров, а кто-то, как я с подругами, приходит сюда просто полюбоваться закатом солнца, подышать чистым воздухом. Иногда, если повезет, знакомый сосед на моторной лодке прокатит с ветерком. Любили просто попрыгать по прибрежным валунам, корягам или полузатопленным бревнам, понаблюдать, как идет на нерест рыба. А если еще Володя Петлицкий, муж Клары, сопровождает нас с фотоаппаратом, то озорство и веселье доходило до девичьего визга.

Не меньше удовольствия доставляли прогулки в лес. На Камчатке он особенный и прекрасен в любое время года. Зимой снежный покров изрезан полозьями лыж, а на деревьях и пнях лежат пушистые шапки снега, к которым лыжники часто подрисовывают забавные рожицы. Впрочем, в любом лесу, наверное, так. Но нет, здесь лучше. Снег чище, сугробы больше. На лыжах катается все население: и стар и мал, папа и дочь, ученик и учитель. Особенно хорошо, когда уходишь на Церковку. Не знаю, почему так называли невысокую сопку, но место это было известно всем, как в любом городе Парк культуры. Здесь детвора устраивала трамплины, каталась, соревновалась в мастерстве и ловкости.

Я тоже часто ходила туда с пятиклашками. С ними интересно. Сначала карабкаешься вверх, потом летишь вниз — только свист в ушах, да искры из глаз. А шлепнешься, кубарем покатишься, лыжу сломаешь, так дети от смеха и удовольствия животики надрыдают. Потом они меня все-таки научили трамплины преодолевать. Но несложные. Будь я поэтом, обязательно написала бы стихи о зимних развлечениях на Церковке, о необычайно чистом, белом... нет, голубом снеге.

Вы когда-нибудь видели голубой снег? Нет? А я — видела! И ела! И все дети, с которыми я каталась на лыжах, тоже ели! Любого, кто жил в Ключах, спросите, видел ли он, ел ли голубой снег, и он ответит: было такое!

...Выходишь после пурги из дома, делаешь шаг в сторону от проторенной дорожки, и... глаза навывают от удивления: внутри ямки снег нежно-голубой! А уж какой вкусный, спросите у детей или просто посмотрите, с каким удовольствием они набивают им рты. (Втихаря от родителей, конечно.)

Мы, взрослые, поступали мудрее. Набирали в большую кастрюлю чистейшего голубого снега, тщательно перемешивали его со сгущенным молоком, кофе или какао и получали настоящее мороженое! Пломбир, сливочное, шоколадное... на выбор! Дети тоже освоили метод изготовления такого лакомства. Все наедались, объедались, простужались и ждали очередного снегопада. Дело в том, что в магазине мороженого никогда не было. Его просто не привозили и в поселке не производили. Так что мороженое из голубого снега — только зимой. Летом — другие радости.

* * *

Конец июля, август в лес зовет ягода. Жимолость — с фалангу мизинца величиной. А вкусная — нигде такой нет, все так говорят. И голубики, и княженики, и брусники полно! Вот только комары мешают. Все удовольствие, подлые, могут испортить. Но ничего, эту трудность преодолевали, ягодой запасались на весь год. Особенно приветлив лес осенью — сентябрь и дней двадцать октября. Как правило, дождей еще нет, сухо и тепло, красиво увядает крона деревьев, сухая листва мягко ложится на землю. Можно побродить, посидеть или, выбрав уютную поляну, лечь на сухую листву и смотреть в синее небо. И ни одна тварь тебя не укусит и не испугает: комаров осенью уже нет, мошкары тоже нет, а лягушек, ужей, черепах, ящериц и змей вообще нет! Нет на всей Камчатке ни в какое время года. И воробьев почему-то не было. Появились, когда построили в Петропавловске первый элеватор. Из Владивостока они приехали (!) на

сухогрузе вместе с зерном через океан, поселились и стали размножаться. Теперь их полно и они общие любимцы горожан.

Камчатская береза тоже уникальна, нигде такой нет. Я поместила в книге снимок специально и себя «посадила» на сединку, чтобы было видно, как изогнут, искорежен ствол. Каждая березка будто сама жалуется вам, что суровые морозы, ураганные ветры, тяжелые снежные сугробы искалечили ее стройный стан. Бродить по такому лесу, смотреть на причудливые изгибы, угадывая в них сходство с живыми существами, — и удовольствие, и лирическая грусть, и полное отращивание от житейских забот и неурядиц.

Нерукотворное чудо света

Общеизвестно, что Камчатка — уникальный по красоте и богатству природы край. Здесь Долина гейзеров, Кроноцкий заповедник, бескрайняя тундра, ледники, реки, озера и... нерукотворное чудо света — вулканы.

Полуостров просто нашпигован ими — спящими, дремлющими, действующими, потухшими, проснувшимися и взбунтовавшимися. Их 97, почти сотня, на такой небольшой территории, и 31 — действующие. Самый большой, грозный и красивый в восточном полушарии — Ключевская сопка — тоже здесь, на Камчатке, и видна из моего окна. Как же я могу не гордиться тем, что живу вблизи, всего в тридцати километрах от этого чуда света, имею возможность любоваться им в любое время года и суток, видеть его в разном состоянии?

Мне довелось испытать не только восторг от его величия и красоты, но и весь ужас гнева и неукротимого буйства исполина. Сколько бы ни прошло времени, но, возвращаясь в памяти к тому дню, когда началось извержение, чувствую, что бегут мурашки по телу, будто снова поселяется в душе

страх, беспомощность и ожидание трагической развязки. Как тогда...

Извержение Ключевской сопки началось неожиданно для всех. Его начальную стадию по незнанию, наивности и испугу я приняла за землетрясение «вселенского масштаба».

...Учебный день уже завершился, учащиеся разошлись по домам, а в школе, в просторной классной комнате, шло не то собрание, не то заседание педсовета. Вдруг ни того, ни с сего задрожали стены старенькой деревянной школы. Все замерли, не понимая, что происходит, смотрели надвигающиеся стены и то, как быстро комната наполняется густой пылью, ползущей из всех щелей.

Учителей, сидящих на задних партах, было почти не видно. Наконец в гнетущей тишине кто-то сдавленным, испуганным голосом завопил: «З-е-м-л-е-т-р-я-с-е-н-и-е!» Все, как по команде, подскочили на своих местах, но никто не бежал, как будто ожидая очередного сильного толчка, затишья или команды.

Я была никакая. В голове словно стучал молоток. Ноги в коленях подламывались. Сердце колотилось... в пятках. Дышать невозможно — рот, нос забиты пылью. «Гибнем», — решила я. Еще толчок — и конец!»...

Через какое-то мгновение услышала хриплый, но повелительный голос завуча, Корсакова Д.К.: «Всем быть на местах». А все и так находились на местах, парализованные страхом. Уж не помню, что меня вывело из оцепенения и когда вернулось сознание... покорно ждала очередной команды. Толчки и трясения земли на какое-то мгновение стихли, образовалась пауза, и я снова услышала голос Корсакова Д.К.: «Без паники, организовано, быстро выходим!»

Почти машинально, на «ватных» ногах, чихая и кашляя, один за другим все учителя вышли на улицу. До позднего вечера земля еще много раз вздрагивала, гудела, раскачивала

дома, поднимала тучи пыли. Я тоже вздрагивала, тряслась, как осиновый лист, боясь зайти домой. Впрочем, многие соседи тоже находились на улице.

Говорят, у страха глаза велики. Ведь землетрясение по камчатским меркам было несильным. Баллов пять, а то и меньше. А казалось — все девять. Я тогда не знала и даже предположить не могла, что все происходящее — лишь прелюдия другого грандиозного явления — извержения Ключевского вулкана.

Постепенно толчки стали слабее и реже, а потом прекратились совсем. На душе стало чуть спокойнее, но зубы стучали от холода и страха еще долго.

Периодически я, как и мои соседи, выходила на крыльцо дома и, как заколдованная, не отрываясь, смотрела в сторону вулкана. Теперь даже мне было ясно, что все происходящее — буйство Ключевской сопки, а не землетрясение как таковое.

В крошечной темноте ночи громадные фонтаны огня взмывали в бездонную высь, освещая конусы соседствующих вулканов, рассыпались и падали вниз разорванными потоками, а тем временем из «ада» вырывалась очередная порция раскаленной лавы и снова взмывала вверх. Все гасло где-то там, вокруг сопки. До поселка не долетел ни один осколок. Но было страшно: а вдруг рванет еще сильнее и достанет нас?

...На следующий день все окрестности вулкана и нашего поселка накрыло большое облако черно-серого цвета.

Начался пеплопад. Жители поселка уже не первый раз испытывали это явление, а для меня снова возникла пугающая неожиданность. Пепел бил в лицо мелкими крупинками, слепил глаза, набивался в уши, рот, нос, забивал волосы, насквозь пробивал одежду, летел в щели дверей и окон, слоем покрывал постель, мебель, кухонную утварь.

Так продолжалось несколько дней подряд, и невозможно было избавиться от мысли, что пеплопад не прекратится до

той поры, пока полностью не засыплет поселок, как Помпею. «Найдут нас в следующем столетии», — думала я.

Но, как ни странно, поселок уже жил полной жизнью, никакой паники не было (кроме как в моей душе). Все боролись со стихией, как могли, надевали маски, очки, кутались в платки, конопатили щели окон и дверей и... шли на работу. Когда пеплопад прекратился, на земле, на крышах зданий — всюду лежал слой вулканического пепла. Даже слабый ветерок поднимал и переносил с места на место черные тучи, образовывал вихри. Соскользнув с деревянного тротуара, нога выше щиколотки утопала в мягкой, серой перине пепла. Позже я узнала, что во время извержения вулкан выбрасывает до пятисот тонн базальтовых шлаков, пепла и бомб. Невообразимо! Не зря я боялась, что нас может засыпать...

...Очень быстро жизнь поселка вошла в прежнее русло. Лишь шутки односельчан о своей растерянности напоминали о пережитой стихии. Сопка в белой шляпке набекрень спокойно дышала, манила, успокаивала и как бы говорила: «Я хорошая, зря вы меня боялись!» Мы любовались ею. Вечером, с заходом солнца и наступлением темноты, краски часто менялись. «Шляпка» краснела, иногда увеличивалась, опускалась или поднималась выше, с ней сливалось зарево заката.

Из поселка было отчетливо видно, как периодически в небо взмывали уже не фонтаны, но огромные языки пламени, а по склонам конуса, словно яркие бусы, сыпались и гасли мелкие выбросы кратера.

* * *

Таким я запомнила извержение самого большого и красивого вулкана Европы и Азии — Ключевской сопки.

Вот теперь я могу сознаться, что, совершенно не веря ни в какие потусторонние силы, я одушевляла этого Великана и его гнев, разговаривала с ним и просила пощады.

* * *

Прошло не так уж много времени, и «молодой народ» нашей школы стал вынашивать идею покорения строптивого вулкана, как только он перестанет плевать огнем.

План созрел быстро, но вот ждали успокоения сопки и официального разрешения вулканологов на «общение» с ней очень, очень долго. Может год... И все-таки непреодолимое желание, идею, превратившуюся в мечту, мы осуществили.

В Москве давно живет моя камчатская подруга Инна Иванова (Шведова), о которой я уже неоднократно упоминала. Вместе с ней в начале 60-х мы покоряли эту высоту, познавали дивную природу Камчатки. Вспомни, Инна... Давай вспомним вместе...

Восхождение

Нас было человек семнадцать. Сопровождал группу, был ее проводником и руководителем Юрий Дубик, научный сотрудник Института вулканологии, вчерашний студент Московского государственного университета, альпинист, спортсмен, красавец. Высокий, худощавый, с мужественным обветренным лицом, в штормовке и с полупустым рюкзаком за спиной, он напоминал сказочного Гулливера. Шел легко, элегантно, помогая себе ледорубом. Мы все «семенили» за ним, стараясь не отставать, но отставали.

Проводник оглядывался, ждал, пока подтянется вся группа, и снова шел вперед. «Да, ему хорошо, — думали мы. — Он-то идет налегке, а мы...» А мы были нагружены, как верблюды. Поход был рассчитан на два дня, и надо было взять с собой воду, продовольствие, теплую одежду, спальный мешок или какую-нибудь другую постель. Мужчины несли еще и палатки.

Вулкан, если идти по прямой, расположен всего в 30 км от нашего поселка. Но этой прямой просто не существует. Сна-

чала — лесная просека, потом тропа, многократно пересечена ручьями, речушками, болотом, поваленными деревьями, потом... Впрочем, все по порядку.

...Километров десять мы ехали в кузове грузовой машины с охотниками, которые открывали осенний сезон. Женщины разместились ближе к кабине, на скамеечках, охотники сидели за нами на своих рюкзаках, дружно подпрыгивали на каждой лесной кочке, иногда «спешивались», чтобы подтолкнуть машину или отбросить в сторону лежащее поперек дороги упавшее дерево.

Вдруг мы увидели, как прямо по просеке впереди машины бежит... медведь. Всего в нескольких метрах от нас. Мы зорали, завизжали, зачем-то затарабанили по кабине... Впервые я видела Мишку в живой природе, тарасила на него глаза и задышалась от восторга.

Водитель остановил машину. Охотники повыпрыгивали и погнались за зверем, но он, наверно, сообразив, свернул с просеки в гущу леса и... был таков! Мужчины садились на свои места разочарованными. Они ведь даже сфотографировать свою «добычу» не успели.

* * *

На едва видимой развилке охотники высадили нас и, взвалив на себя тяжелые рюкзаки, котелки, спальные мешки мы двинулись цепочкой за проводником. Мшистая, скользкая, сырая тропа скоро кончилась, и красивый, желто-красный, еще пушистый лес сменился «мертвой» зоной. Зрелище удивительное и зловещее: куда ни бросишь взгляд, стоят темно-серые, черные скелеты деревьев, обожженные адским огнем раскаленной лавы. Теперь уже под ногами сыпучий шлак, а не мох, и не сырая земля. Бывшие деревья напоминают огромные черные свечи, которые, стоит лишь толкнуть рукой, ударить ногой, безжизненно падают на землю. В отдель-

ных местах, где, наверно, было жарче, деревья беспорядочно валялись, образуя нагромождения, завалы, переплетения, похожие на сказочные фигуры-чудища.

Казалось, что мы идем по бездорожью прямо к тридевятому царству, и вот сейчас навстречу выскочит Баба-Яга или леший, охраняющие свои владения. Долго ли коротко ли шли, но наконец заколдованный, мертвый лес кончился, и нам открылось еще более удивительное зрелище: безбрежное шлаковое плато серо-бурого цвета, изуродованное шрамами, провалами, каменными глыбами величиною с дом и поменьше, глубокими щелями и крутыми порогами. Ни деревца, ни травинки, никакого намека на существующую где-то жизнь. И полное, полное безмолвие. Завороженные, мы останавливаемся, любуясь, восхищаясь и страшась этого зрелища... Луна! Настоящий лунный ландшафт, каким его изображают кинематографисты, художники, писатели-фантасты. Постояв минуту, мы двинулись вперед, вверх по сыпучему шлаку, преодолевая расщелины, огибая нагромождения базальтовых глыб.

Помнишь, Инна, именно здесь наш проводник Юра Дубик объяснил, что такое «фумаролы», «побочные прорывы», «кальдеры», «вулканические бомбы». Наглядные пособия были здесь же, у наших ног. Особо грозными нам показались название и форма «вулканической бомбы». Она образуется, когда громадная масса раскаленной лавы силой взрыва выбрасывается высоко в небо, в полете ее крутят мощные потоки газа, пара, воздуха, лава успевает приобрести веретенообразную форму, остыть, затвердеть, с грохотом падает к подножью вулкана и здесь, в хаосе нагромождений, она обретаёт свое место на сотни, тысячи лет... на безвременье...

Уму непостижимо! Карабкаясь вверх, падая, сползая, снова карабкаясь и снова откатываясь вниз по сыпучему грунту, мы все ждали появления перед нашим взором конуса, вершины кратера, но вокруг нас был только лунный пейзаж, и даже

трудно было предположить, где, в какой стороне находится вершина вулкана. Когда же мы будем штурмовать высоту?

День близился к концу, и среди серо-бурой пустыни на некотором возвышении мы увидели маленькую избушку. Это наблюдательный пункт вулканологической станции, со странным названием «Апахончик». Избушка «нафарширована» всякой аппаратурой, но есть там и два спальных места, шкафчик с продуктами и столик. Там постоянно находится кто-то из научных сотрудников института вулканологии. Стало понятно, почему наш проводник шел с полупустым рюкзачком и легко одетым: здесь его ждали коллега и все необходимое для краткосрочного пребывания.

Далее все проходило, как в обычном туристическом лагере: натягивали палатки, разжигали костер, ужинали, пели песни. Ты помнишь, Инна?

Над широкой рекой
Опустился сиреневый вечер...

В «репертуаре» было много и походных, туристических песен. Как самозабвенно, с какой душой мы пели эти песни! За полночь наконец улеглись спать с надеждой, что завтра увидим вершину вулкана и начнем штурмовать высоту.

* * *

Ночью проснулись от страшного гула, который то замирал, то усиливался, сопровождая всполохи ослепительного зарева над кратером.

Ах, вот ты где! Прятался, прятался от нас и выскочил! Да еще пугаешь!

Подземный гул и чувствительные толчки подбрасывали наши сонные, расслабленные тела... Подташнивало... Жутко, страшно... А вдруг это и есть то самое неожиданное... что

бывает, когда гибнут люди. Вдруг вот сейчас расступится под нами земля и вулкан «проглотит» нас!

В испуге все искали Юрия, надеясь, что он спасет наши души. А проводник спокойно спал в своей палатке. Его растолкали, разбудили, и он, хоть и сонный, в одну минуту успокоил всех: это нормальная жизнь действующего вулкана — «вздохи» подземной силы, не грозящие никакими катастрофами и даже неприятностями для подобных нам туристов. Мы успокоились. Успокоился и вулкан. Все уснули.

Когда настал рассвет, наступило и некоторое разочарование: все вокруг пасмурно, сыро, серо, ничто не гудит, не сверкает, не взрывается, не трясется. Не видно и самого вулкана, на склоне которого мы находимся. Мы опять идем вперед-вверх. Но скоро ли кратер? Проводник улыбаясь, и, как будто шутя, напоминает: «А я и не обещал вам вершины... полная высота только для альпинистов, и то не всех, и времени надо больше».

Да, нас предупреждали, что таким любителям, как мы, разрешено ходить лишь по определенным тропам и до определенной высоты. Но мы тайно надеялись, что наш добрый улыбчивый Гулливер из симпатии к нам все-таки уступит и поведет на штурм. Ну да, размечтались! Ни штурма, ни даже крутого, изнуряющего подъема не дождались.

Мы шли как будто по линии окружности с постепенным подъемом, и, если определять высоту, как принято, от уровня моря, то нам удалось подняться примерно на 2300–2500 метров. Определяли свое местонахождение и высоту, конечно, не без нашего авторитета — Ю. Дубика. Напоминаю, высота вулкана 4850 метров, мы находимся где-то посередине склона, но не видим ни вершины, ни подножия сопки. Даже то-скливо. По-прежнему перед нами «лунный» ландшафт, пригорки, ямы, провалы, наполненные не то паром, не то газом, сыпучий шлак.

Идем след в след за проводником к «Побочному прорыву». Вот он! Радиальное углубление сверху вниз, как громад-

ная трещина, и на дне ее, в одну линию, — семь вулканчиков. Симпатичных таких! Диаметр — три, два и меньше одного метра, а высотой достигает иногда 30 см. Но зато копия своей «мамаши» — Ключевской сопки и по внешнему очертанию, и по характеру. Видно, что их было больше: торчат еще два-три бугра. Значит, не выжили, угасли. Но большинство «новорожденных» живут, дышат, извергаются, растут.

Все это мы видели собственными глазами: и я, и ты, Инна! Помнишь? Пройдя еще какое-то расстояние, не то в сторону, не то вверх, вышли на небольшое плато, посреди которого был кратер, глубиной метров пять. Он не извергал лаву, но был горячим шлак. Повосторгались, пошли дальше.

Следующий «объект», куда вел нас проводник, был тоже боковой вулканчик. Не маленький, с хорошую сопку. Название его — Туйло. Поднимались круто вверх, спотыкаясь и падая. С каждым шагом все больше ощущали, что становится жарко. Может, показалось от усталости? Нет! Гора дышала теплым, почти горячим паром.

Поднявшись на плоскую вершину, сделали привал. Разрывая шлак на 15–20 сантиметров в глубину, подогрели взятые с собой бутерброды, перекусили. Присели, прилегли, разложили, как на русской печи, свои курточки, кофточки, ботиночки... А когда собрались уходить, обнаружили, что у многих припалилась одежда, вздулась каучуковая подошва на обуви. Нам было смешно и весело. Мы делились запасными носками, кедами, утешали друг друга конфетами, оставшимися бутербродами и шли дальше, открывая для себя то, что давно открыто учеными: Юбилейный прорыв, фумаролы, вулканические бомбы, остывшие ручьи лавовых потоков, маленькие леднички и горячие фонтанчики. Но кратера Ключевской так и не увидели.

Усталые, полные впечатлений и сознания того, что в нашей жизни свершилось что-то очень значительное, мы вернулись домой.

Величественной, правильной формы конус вулкана и дымящийся кратер появились перед нами снова во всей своей красе, только когда мы вернулись в родной поселок Ключи. Вспомнилось: «Большое видится на расстоянии». Лишь много лет спустя я, как мне кажется, сполна оценила свое (наше, Инна, наше!) восхождение на Ключевскую сопку, высота которой осталась непокоренной.

Мысленно я возвращаюсь в ту сказку, где живет моя несбывшаяся мечта и веду с ней вполне человеческий диалог:

— Как живешь ты, Красавица, спустя полвека? Изменилась ли за эти годы?

— Нет, — пыхтя, отвечает мне собеседница. — Я все так же молода и так же стара, как и тысячу лет назад, так же красива издалека и так же страшна вблизи. Ты же видела мои вековые шрамы, незаживающие язвы?

— О, да, — отвечаю я.

— Ты слышала мое тяжелое дыхание, мой утробный, ужасающий стон?

— О, да! — все так же односложно отвечаю я.

— А впечатляют ли тебя масштабы моих владений, равные целой планете?

— О, да!

— Ты видела проявление моего характера, знаешь, что я могу в гневе сжигать все вокруг, сотрясать землю? Посмотри на потоки застывшей лавы и представь, какие огненные реки я выпускаю, когда сержусь...

— Как тебе мои детки? Сколько родила я их за свои пять тысяч лет! Они живут и здравствуют!

— Да, это так! Я видела твоих «деток»!

— Вблизи я не такая белая и пушистая, какой кажусь издалека. Но я прекрасна и в покое, и в своем гневе! Я богата, сильна и царственна!

— О, да! — снова отвечаю я своей собеседнице. — Никогда теперь у меня не повернется язык сказать, что Царь природы — Человек.

* * *

Передо мной лежит несколько фотографий из того путешествия. Качество их, к сожалению, желает много лучшего. Это и понятно. Но, по памяти, для тебя, Инна, назову имена тех, кого помню: Виктор Шведов, Нелли Володина, Галина Насильникова, Анатолий Беляев, Валентина Руденко, Галина Кожевникова, Виктор Калеменив, Сергей Трубицын, Аля Бабичева, ты, Инна, Альбина Окунева, я, Зоя Масливец. Юру Дубика я «прилепила», вырезав из другой, менее качественной фотографии.

Позвони мне, подруга, если то, что я написала, совпадает с твоими воспоминаниями, мыслями, ощущениями. Может быть, и с тобой временами сопка ведет беседу? И если нет, все равно позвони! Поговорим о нашем восхождении и о том, правильно ли я отразила твою ностальгию о Камчатке. А если книга попадет в руки кого-то из участников того похода... Позвоните мне, друзья, напишите! Всех нас развели дороги жизни. Кто где живет, кем работает теперь — не знаю. Знаю только, что Юрий Михайлович Дубик, наш проводник, до сих пор на Камчатке работает в Институте вулканологии, кандидат геолого-минералогических наук. Часто слышала его имя в репортажах с мест извержения вулканов.

К кратеру действующего вулкана я все-таки поднялась. Но это было уже другое время, другой вулкан и совсем другая история.

* * *

Завершался второй год моей самостоятельной жизни на Камчатке, и снова передо мной стал судьбоносный вопрос: воспользоваться северными льготами и поехать в оплачиваемый отпуск на материк или доработать еще один год и уехать совсем. Твердо и бесповоротно решила: еду в отпуск и вернусь, во что бы то ни стало.

Возвращение в солнечный город под родительский кров как-то потеряло актуальность. Изменились и оценка существующего положения, и настроение, и мысли, и желания, и мечты. Я уже не представляла своей жизни без Камчатки, без ее дивной природы, и, думаю, если бы покинула ее тогда, то сейчас наполняла бы тоской страницы интернета, как многие из тех, кто по каким-то причинам покинул край раньше времени. Вот что выбрала, очень коротко, Зоя Маслова, моя землячка-камчадалка из страниц интернета.

«...Душа плачет по Камчатке. Это самый красивый край, и живут там чудесные люди» (И. Доронина).

«...В мечтах и воспоминаниях мы все время там... Проехав полмира... мы говорим: Камчатка — край необыкновенный и удивительный, такого больше на свете нет! Без Камчатки — тоска» (Михаил и Рита Лифшиц).

«...Я прожил там с 1984 по 1988 год. Хоть и живу сейчас на своей малой родине, Камчатку забыть не могу. Пешком бы ушел туда...» (Н. Луцков).

И еще один «крик души» без исправления ошибок: «1981–83 гг. служил в этом прекрасном крае. До сих пор мая сердца остался там. Мне бы крылья, улетел бы снова за океан. Камчатка, я люблю тебя!» (Сайнад Асадбек).

Значит, верно я тогда решила: «Здесь моя судьба».

* * *

Месяца за два до окончания учебного года мы договорились с девчонками, что едем в отпуск втроем: я, Валя Руденко и Тамара Волкова — мои коллеги. Обговорили примерную программу отдыха. Сначала посетим родителей, каждый в своем городе, потом соберемся в Москве, погуляем по столице и недели на две-три отправимся «дикарями» в Крым. Отпуск у нас большой, 2,5 месяца, так что времени хватит на все. Обратные билеты уже заказаны.

ГЛАВА II

Отпуск. Экскурсии в былое

Предвкушая возвращение в Алма-Ату, я очень ярко вспомнила студенческие годы, с которыми неразрывно связаны походы в горы, танцевальные вечера в пограничном училище, аттракционы в парке культуры и летние каникулы с непременными поездками на сельхоз работы. Об этом не вспомнить нельзя. Никто нас тогда не спрашивал, хотим или не хотим мы на лето в деревню. Заканчиваются экзамены — нам сообщают день отъезда, предупреждают, что с собой взять и... по машинам. Известие принималось как должное, только всегда переживали: попадем или не попадем в целинный совхоз? Там всегда было веселее и легче физически, а иногда даже платили за труд. В колхозах скучнее, меньше молодежи, за работу никогда ни копейки не платили. Говорили, что все заработанные деньги уходили на питание.

Мы не роптали, унынию не поддавались, веселились, как могли. Работали тоже шаляй-валяй. Жили в сараях и коровниках. Перед нашим приездом «общежитие» чистили, проветривали, загружали чистым, пахучим сеном. Рядом сооружали какую-то кухню под открытым небом.

Стада коров в это время находились на летних пастбищах, на джейляу. Так что, мы коровкам не мешали. Они нам тоже. Да еще и ежедневно от них привозили флягу парного молока. Ночевали, как правило, под открытым небом, в сараях и коровниках прятались только от дождя или зноя. Работали — куда пошлют. (Я имею в виду колхозы.) Пололи

картофель, собирали помидоры, кукурузу, нанизывали на длинные «шпаги» и сушили табачные листья, даже стригли овец, доили коров, ухаживали за телятами.

Любили время сенокоса и уборки зерновых: необъятные степи, пьянящий запах скошенной травы, поляны земляники. И работа: или на прицепе трактора, или на быках. Еще на машинах, когда зерно возили. Мальчишки устраивались всегда лучше. Их охотнее брали на трактор, учили скирдовать сено, строить коровники. За это они получали деньги. Из «летних лагерей» мы возвращались недели за две до начала учебного года и с упоением всем рассказывали, чему научились в колхозе или совхозе, и как нам было весело.

* * *

Уезжая в отпуск, я планировала встречу с однокурсниками, со своей лучшей подругой детства Светланой Шестоперовой и друзьями по парашютному спорту Ниной Дунаевой и Сашей Ольховым. Очень хотелось найти нашего первого инструктора Владимира Бовшикова. Интересно, где он теперь? Стал ли «большим» спортсменом? Помнит ли нашу группу?

* * *

Встречи оказались куда прозаичнее, чем я себе представляла. Однокурсников разыскала всего человек 8–10. Кто-то трудился в другом городе, кто-то отдыхал на юге, третьи — решали неотложные проблемы на производстве или в семье.

Искренне удивила меня какая-то инертность, отсутствие живого интереса к встрече друзей. «Надо же, как все изменились, — думала я. — Наверное, уходит молодость». Но все-таки встреча состоялась. Мы поехали в горы, «накрыли поляну», жарили шашлыки, припивали вкусным вином

и наперебой забрасывали друг друга вопросами, кто в каком городе живет, кто на ком женился, кто успел родить наследника, кто и как преуспел в работе. Студенческое настроение вернулось.

Я еще не была замужем, вскользь упомянула о том, что у меня есть друг, зато с придыханием и восторгом рассказывала о Камчатке, ее природе, вулканах, о пережитом извержении Ключевской сопки и попытке ее покорения. Как реликвии, показала фотографии из нашего похода, раздала всем сувениры — кусочки остывшей лавы, которые тащила через всю страну.

Не зря старалась: слушали все увлеченно, даже обещали, как только разбогатеют, приехать в гости. Или насовсем. Если получится.

***Забегая в будущее.** В гости ко мне никто за все годы не приехал. Наверно, не разбогатели. Или затянула жизненная рутина. Словом, не получилось. Связь с однокурсниками тоже слабела с каждым годом. Лишь Карпачевы, Татьяна и Виктор, поженившиеся сразу после учебы и проживающие с тех пор в Алма-Ате, всегда всех встречают, а потом при случае рассказывают коллегам то, что узнали при встрече. Чаще — по телефону.*

«Как ты жила, моя дочка?»

Этот вопрос мама задавала мне по несколько раз в день. Маму как будто прилепили ко мне, она не отпускала меня ни на шаг. Даже на встречу с однокурсниками пошла вместе со мной, предварительно заверив, что будет молча помогать готовить, следить за мангалом, накрывать на стол.

Мама кормила меня всякими вкусами, следила за тем, чтобы в доме все время были овощи и фрукты, а в холодильнике не кончались любимые мною помидорки, фар-

шированные укропом, петрушкой и чесноком. А сестра старалась «закормить» меня мантами и дунганской лапшой. За время отпуска, помню, изрядно потолстела.

Когда по просьбе мамы я рассказывала, как живу на Камчатке, она искренне удивлялась: «Как же вы дышите, если в воздухе не хватает кислорода? Почему же вам не завозят свежие помидоры, если они там не растут? Неужели ты за два года ни разу не поела арбуза, дыни, абрикосов? Беденькая, моя!»

После этого шли на «Зеленый» рынок и, надрываясь от тяжести, тащили все, что только можно купить в летние месяцы в южном городе. Мама, довольная закупками, говорила: «Наедайся, Люсенька, на два года вперед, а то ж у вас магазины пустые, есть нечего». Меня задело за живое: «Да что ты, мама, зашла бы в наш Ключевской гастроном, посмотрела бы на изобилие продуктов...»

...Одноэтажное, похожее на барак здание с одним крыльцом и дверью, большими окнами и площадью перед подъездом. Входишь и перед глазами, от пола до потолка пирамиды консервных банок... Может, попала на выставку? В музей? На склад готовой продукции консервного завода? Да, нет, вот прилавок, вот чашечные весы, вот продавец в белом колпачке... Значит, магазин. Пирамиды построены аккуратно, с учетом размера банок, расцветки этикеток и названия продукции.

Центральное место занимает сооружение зелено-красной расцветки. Это икра лосося. Банки 100-граммовые, крупненькие (сейчас таких не выпускают). У основания пирамиды, в нижнем ряду, их штук 50, потом — все меньше, у потолка, на вершине — одна. Рядом точно такое же сооружение, но другой расцветки — серо-голубое поле с красным рисунком посередине. Это крабы. Между этими пирамидами стоит еще одна, как будто перевернутая вверх дном, т. е. сужение идет от потолка к полу. На банках этикетка из лакированной

бумаги с черно-красным рисунком. Надпись на иностранном языке, переводится так: «Нерка в собственном соку». Красивая банка, вкусная рыбка. На экспорт выпускалась, но и нам хватало.

Пирамиды поменьше размером и подальше от центра магазина — кальмары, сайра, сельдь, камбала и прочее. На развес — балык, какой хочешь... соленая, вяленая рыба. В самом уютном, угловом пространстве построены пирамиды из бутылок шампанского и спирта. На прилавке здесь же продают хлеб. Было кое-что и под прилавком: «сгущенное молоко», «колбасный фарш», «гречневая каша с говядиной», «свинина тушеная». Банки были покрыты толстым слоем солидола, и, когда их покупали, продавец, подавая товар в руки, обматывал товар соответствующей содержанию этикеткой и говорил: «Осторожно, не испачкайтесь».

Да, ни красных яблок, ни зеленых огурцов, ни оранжевых абрикосов в магазине не было, и для меня, человека южного, вначале витрины казались... скудными или пустыми. Но невдомек мне тогда было, что передо мной крупным планом выложено куда большее богатство. Такого изобилия, разнообразия первоклассной, деликатесной рыбной продукции ни тогда, ни потом и вообще никогда и нигде в Советском Союзе не было. Только у нас на Камчатке, да, может быть, еще на Сахалине.

Забегая в будущее. Ассортимент продуктов в нашем гастрономе менялся довольно быстро. На прилавках появлялись: подсолнечное масло, яичный порошок, сушеный лук и морковь, но стремительно уменьшались и совсем исчезли пирамиды из банок с красной икрой, крабами, кальмарами... У рыбаков можно было купить что угодно: икру, балык, рыбу. А в магазине — нет.

По воскресеньям недалеко от моего дома работал небольшой рынок, где частники продавали картофель, капусту,

свеклу и свежее мясо. Так что проблем с продуктами питания... не было.

Я порадовала маму тем, что научилась варить борщ, квасить капусту, а главное, варить «двойную» уху и жарить вкусные котлеты из свежей красной рыбы. В разговоре вспомнила и рассказала, как однажды с девчонками разделявали у Инны дома большущего, как поросенок, кижуча.

Нам подарил его во время прогулки по берегу реки незнакомый рыбак. Получился веселый праздник «коллективного труда и обедаловки». Сварили уху, нажарили котлет целую гору, приготовили по общеизвестному рецепту слабосоленой красной икры большую миску (в которой обычно мыли посуду). Икру ели ложками, без хлеба, потому что она была очень вкусная и ее было много. Еще и соседей угощали своей кулинарной продукцией.

От удивления мама покачала головой:

— Что, рыбак просто так, бесплатно, отдал вам рыбину?

— Бесплатно. Просто отдал и сказал: «Надо будет — еще приходите»... Люди у нас такие.

Специально за рыбой к реке мы никогда не приходили, в этом не было необходимости. Нас часто угощали наши учителя, мужья которых рыбачили. Но сюрпризы случались и в дальнейшем. ...Однажды молодой рыбак нес «чудище». Впереди, у плеча, он держал крючок из железной проволоки, а на спине его, раскинув «лапы» (клешни) во всю невероятную величину, лежал королевский краб. Настоящий «королевский», какие водятся только у нас на Камчатке. Я потому назвала его «чудищем», что никогда не видела в природе подобного создания и даже немного испугалась. Он несимпатичный на вид. И цвет у него не красный, не оранжевый, а какой-то... серо-буро-малиновый.

Это «чудище» нам тоже презентовали. Только здесь же, на берегу, привели его в «полуфабрикатное» состояние. Лапы, т. е. клешни, отдали нам, они съедобные, их надо сварить

в подсоленной воде, и они станут красными (инструктировал нас молодой человек), а все остальное — выбросить, несъедобное. И выбросил.

Мама искренне порадовалась, что я, ее дочь, живу среди таких, удивительно щедрых, добрых людей: значит — не пропаду.

* * *

Дни отпуска в родительском доме бежали быстро, и я боялась, что не успею выполнить все намеченное. Еще Светлану, подругу детства, не разыскала, с сестрами как следует не пообщалась, не навестила свой аэроклуб. Что же сделать прежде? ...Без встречи с сестрами — не могу. Звоню, договариваюсь, еду!

Три сестры

Мы дружили на протяжении всех лет, пока я жила в Алма-Ате: Валерия, родная сестра, Лиля, двоюродная, и я. Жили и учились в разных районах города, но всегда приезжали на «Каменское плато», где жила и работала в санатории мама. Место было прекрасное. Сплошные сады, аллеи акаций, море цветов. Мы там привольно чувствовали себя. Бегали на танцы в соседние санатории — «Турксиб» и «Туркво», иногда вечерами поднимались на Лысую гору и любовались панорамой города, отыскивая глазами знакомые объекты, бродили по аллеям и садам.

Для нас составляло удовольствие обмениваться платьями, какими-то шарфиками, дешевыми украшениями. Сломанные наручные часики у нас были одни на троих, мы по очереди надевали их и ждали, когда кто-нибудь спросит: «Девушки, не скажете, который час?» И мы отвечали.

Потому что сами, то и дело, у кого-нибудь узнавали время, чтобы подвести стрелки на своих «фирменных». Нам было весело от безобидного озорства, мы хохотали. Вот и сейчас, вспомнив все это, снова смеялись.

Лиля была чуть старше нас, и мы всегда с обожанием относились к ней: она поднимала целину! Я помню, с какой тоской и завистью мы, подростки, провожали эшелоны с молодежью туда, в край романтики.

На перроне всегда было весело, молодежь пела, танцевала под баян или гитару, толпа шумела, смеялась, кто-то произносил патриотические речи, а кто-то из провожающих родителей плакал. Так хотелось быть среди этой молодежи! Лилия много рассказывала о реальной обстановке, в которой они выращивали зерно, строили дома, улицы, целые поселки. Работали, учились, проводили досуг, влюблялись, женились.

Лилия для меня — самый правдивый и искренний свидетель и участник освоения целины, и никакие нынешние хулителю не смогут поколебать моего представления о том времени: я знаю, как все было, из первых уст.

Наша встреча — не только вспоминая молодости. Мы любили вместе петь, любили поболтать о том о сем. К тому же и Лера, и Лилия проявляли изобретательность в приготовлении национальных угощений (в чем они, имея семьи, поднаторели) и подчевали меня так, чтобы я запомнила их обед, по крайней мере до следующего отпуска.

А песни, как же без них? И тогда, в ту встречу, и потом, сколько бы я ни приезжала, мы всегда пели много. Для себя, конечно. Ну, может, еще для своих родных. В молодости любая песня, прозвучавшая по радио, попадала в наш репертуар. Все «березки», «рябинушки», «речки синие», «небо звездное» отражались в наших душах и песнях.

Вот и в этот день пели о себе и для себя: о радости встречи, о молодости, о любви и грусти. Может быть, и пели то не очень хорошо. Но какое это имеет значение, если нам хо-ро-шо!

В аэроклуб

Воодушевленная встречей с сестрами и тем, что все получается, идет по плану, я бросилась на поиск Нины Дунаевой, своей сокурсницы, и уговорила ее навестить аэроклуб, где когда-то вместе занимались любимым спортом.

Вот мы поднимаемся по ступенькам, идем по коридору, подходим к нашему классу, где всегда проходили теоретические занятия... тишина, никого... Тихо ступая и перейдя на шепот, стали заглядывать во все открытые кабинеты, пока не дошли до двери с табличкой «Командир парашютного звена Вахитов М.Р.» Но и здесь постигла неудача: закрыто. Чуть ниже таблички кнопками прикреплена записка: «с 10 по 20 июля спортсмены сдают зачеты по физической и наземной подготовке в летнем лагере».

Мы с подругой стояли как вкопанные. Такой неудачи я просто и предположить не могла. У меня уже не было ни одного дня в запасе, чтобы ждать возвращения парашютистов из летнего лагеря. Я должна была улететь через 3 дня. От обиды и досады хотелось плакать. Вышли на улицу, зашли в сквер, посидели молча на скамейке.

— А, знаешь, — вдруг сказала Нина громко и радостно, — давай позвоним Саше Ольхову и, если у него есть возможность, поедем ко мне в гости, устроим встречу «десантников». («Десантниками» называли нас однокурсники, желая пошутить, а то и поехидничать над нашим увлечением.) Я обрадовалась идее.

* * *

Встреча «десантников» состоялась. Вечером мы собрались у Нины и допоздна говорили о своих приключениях, вспоминали занятия в спортивном классе, и о том, что парашютный спорт оставил след в характере каждого из нас. Растаяв

от доверительной, дружеской обстановки и внимания друзей по увлечению, я вообще «погрузилась» в глубину своих лет, вспоминая, как со школьной скамьи искала себя и в легкой атлетике, и в конькобежном спорте, и лишь в волейболе сподобилась добиться третьего разряда. Но это было для меня просто развлечением, формой общения со сверстниками, возможностью куда-то поехать на соревнования или просто уйти с лекций.

Наконец, я пришла в аэроклуб, занялась парашютным спортом и увлеклась так, что готова была бросить все — дом, учебу, прежний круг друзей, лишь бы летать, прыгать, укладывать свой парашют, жариться на солнце учебного аэродрома и общаться с товарищами по увлечению с утра и до позднего вечера. Это время прекрасно помнили и Нина, и Саша, сидящие сейчас вместе со мной за столом.

Правда, нам казалось, что уж очень долго идет наземная подготовка. Но ожидание главного события — прыжка с парашютом — придавало нам силы, терпения и настойчивости.

Наш первый инструктор, Володя Бовшиков, был постарше нас года на 3–4, работал на заводе тяжелого машиностроения (АЗТМ), очень большом предприятии местной индустрии, и нас удивляло, восхищало уже то, что он находил возможность серьезно заниматься таким видом спорта. Владимир имел уже более сотни прыжков, в том числе и затяжных, и ночных, и на воду. Он очень интересно рассказывал о своих спортивных приключениях, иногда ходил с нами в кино после занятий, угощал купленными где-нибудь на ходу пирожками с капустой.

Мы обожали своего инструктора, встречали после прыжков, визжали от удовольствия, собирая его парашют, и вместе пили газводу из автомата по 1 копейке, без сиропа. Все мы, девчонки, были немного влюблены в него, но позже узнали, что у него были любовь с Ириной Кравченко, чемпионкой Средней Азии и Казахстана по парашютному спорту, и своя

компания, в которую входили в основном «асы», перворазрядники, мастера. Нас, новичков, они словно и не замечали. Но все-таки Володя с нами дружил, постоянно опекал, следил за успехами, во всем помогал и поддерживал.

В моей жизни этот человек сыграл определенную роль уже тем, что подарил девиз. Часто, видя у своих курсантов сомнения, нерешительность, он напускал на лицо суровость и произносил повелительным голосом: «Прояви характер!» Эти слова много раз потом в жизни мне приходилось повторять. И, как правило, помогало. Я напредила своим друзьям «десанникам» излюбленное выражение Володи и мигом услышала возглас Саши:

— Конечно, помню! Я теперь младшего брата воспитываю этой фразой!

— А, что, брат твой тоже парашютист? — поинтересовалась я.

— Да нет, не дорос еще, но это неважно. Важно, что задумывается в этот миг... Пусть эти слова станут его девизом.

Мы отвлекались, расспрашивали друг друга о работе, семье, новых увлечениях, затем снова возвращались в главную тему воспоминаний:

— Помните, как мы радовались, когда наконец сдав зачеты по наземной подготовке, мы услышали долгожданное сообщение командира звена о готовности нашей группы к прыжкам?

— Еще бы не помнить, мы так ликовали!

Прыжок

В полной боевой готовности — комбинезон, шлем, ботинки на толстой подошве, за спиной основной парашют ПД-47 и на груди — запасной, чуть поменьше весом (марки не помню) — строем направляемся к самолету. Смотрим друг на

друга и восхищаемся своей красотой, своей решительностью. Инструктор цепляет нас карабинами за трос под потолком самолета, мы садимся на откидные стулья, волнуемся... взлетаем! АН-2, новенький, совсем недавно полученный аэроклубом, плавно набирает высоту 800 метров, совершает круг над аэродромом, и вот мы в определенном порядке подходим к двери, за которой... все шумит, свистит, тарыхтит, пугает...

— Пошел! — командует инструктор.

Я отрываюсь от борта самолета и шагаю... в бездну. Дыхание перехватило, глаза зажмурилась не то от страха, не то от резкого, режущего потока воздуха... Несколько секунд меня тянет за собой трос, и я чувствую, что болтаюсь на веревке, как колбаса. Не осознаю, где голова, где руки, ноги, держу ли я их так, как положено по инструкции. А уж где красное кольцо принудительного открытия купола... Да я совсем забыла о нем! Нет у меня в голове ни мысли, ни купола, ни красного кольца! Просто я в другом измерении, во сне, может быть, а может быть, в раю! Но вот хлопок меня слегка подбрасывает вверх и... парашют раскрылся.

Нет, дорогой читатель, ощущений тех пяти секунд передать невозможно! Белый, большой, как шатер, купол натянулся над головой, и я сижу, как на качелях, слегка раскачиваясь от влияния воздушных потоков. Вокруг — голубой океан. Он обнимает, обволакивает меня, и я плыву, плыву, не ощущая снижения. Однако дно «океана» притягивает взгляд. Я смотрю на землю, где все кажется маленьким, игрушечным: люди, дома, машины, наш лагерь...

Смотрю по сторонам, отыскивая глазами Сашу, Нину, прыгнувших следом за мной с интервалом в несколько секунд. Они «плывут» недалеко от меня, в этом же безмерно большом голубом воздушном пространстве, чуть выше и правее. Кто-то махнул мне рукой, я ответила. Состояние просто нереальное: задыхаюсь от удовольствия и болтаю ногами, как будто пытаюсь затормозить снижение, продлить

пребывание в безоблачном небе... Волнение, ожидание неизведанного, страх и его преодоление в момент перешли в такое же острое ощущение счастья. «Я прыгнула! Я преодолела себя, — пульсирует в висках. Я парю в небе, я — птица! Хочется поделиться радостью со всеми, и я кричу не то вслух, не то про себя: «Люди, здравствуйте! Смотрите на меня, заведите мне, я лечу в небе, я — птица!»

* * *

Острота ощущений не притупилась и при следующих прыжках. Я их совершила 26, но если бы и тысячу, то волновалась бы, испытывала радость полета, свободного падения и приземления точно так же.

— А помните девчонки, — напомнил Сашка — как командир звена провоцировал нас, принимая зачеты: «Если страшно — занимайтесь настольным теннисом».

— Нет, не страшно, — бойко, не задумываясь, отвечал каждый из нас. Лукавили.

Конечно, страх испытываешь. Особенно когда отталкиваешься от двери самолета... А вот боязни — нет! Мы уже тогда разделили понятия «страх» и «боязнь». Страх — это момент, который усилием воли и сознания преодолеваешь, получаешь при этом удовлетворение, удовольствие. А боязнь — нечто постоянное или долговременное, вытекающее из неуверенности. И преодолевать ее не стоит: не уверен — не прыгай, никто не заставляет.

Кстати, и в нашей группе несколько новичков даже после основательной подготовки и первого прыжка этот спорт бросили — боялись разбиться. Напрасно. За три года моих занятий в клубе не было ни одного несчастного случая. Хотя, сознаюсь, нештатные, опасные и просто неприятные ситуации и травмы были, в том числе и в нашей тройке.

Вспомнили мы, как однажды, приземляясь, Нина не прижала к себе запасной парашют. В результате он, ударив по

коленям, отскочил и... как даст ей по носу! Искры из глаз посыпались (и слезы). На какое-то время симпатичный носик Нины превратился в красную свеклу. Ничего, все прошло! А то, что произошло со мной, наверно, «раскрасило» летопись звена или стало примером «как не надо» в рассказах инструкторского состава своим курсантам.

Случилось «ЧП»

У меня было тренировочное задание: открыть запасной парашют. В принципе, ничего сложного. Главное — вовремя дернуть красное кольцо. Парашют, тот, что на груди, открывается, и ты летишь под двумя куполами. Красота! Я все выполнила своевременно и правильно. Довольная собой, осмотрела голубое пространство, от удовольствия поболтала ногами, осмотрела стропы: все в порядке. Но вдруг почувствовала, что меня как-то подергивает. Подняла голову и увидела, что купола расходятся в разные стороны и меня относит от аэродрома.

Я схватилась за стропы запасника, потянула на себя, пытаюсь подправить движение купола в нужную сторону, но он отклонился еще больше. Отпустила, схватила другие стропы... Ничего не получается. Прошла минута, и я стала готовиться к приземлению в экстремальной обстановке, как учили. Осмотрелась. Аэродром далеко. Земля быстро приближается, и, вот, уже подо мной какая-то деревенька, рядом с ней — автотрасса, проносятся машины. За спиной — овраг. «Не на дорогу бы... Не на крышу бы... Не в овраг бы... — думала я, готовясь в самый последний момент что-то предпринять, чтобы избежать худшего. Слышу вой собак. Улепetyвает в подъезд мальчонка лет пяти. Выбежала из дома и что-то кричит женщина, за ней — другая, третья... Разбегаются с кудахтаньем куры...